

| 16 ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ДИЗАЙНА
И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

| 31 ГРЯДУЩИЕ
РЕВОЛЮЦИИ
В ФИЗИКЕ

| 44 ПУСКОВОЙ
МЕХАНИЗМ
НОВШЕСТВ

| 60 ЭФФЕКТИВНОСТЬ
СОВРЕМЕННОГО
БИЗНЕСА

НАУКА И ИННОВАЦИИ

научно-практический журнал

№ 9(67)_2008

ИННОВАЦИОННАЯ СУТЬ ПРОМЫШЛЕННОГО ДИЗАЙНА

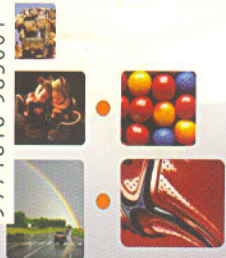

КОНЦЕПЦИЯ

Что это должно быть:

Как это работает:

1 Модульность конструкции.

2 Яркий образный дизайн.

ДЕТАЛИ

Ручка двери водителя снабжена электронным замком с подсветкой, очень удобно в темное время суток.

Вместо зеркал заднего вида на аэропортнике установлены четыре камеры, по две спереди и сзади. Сигнал с них поступает на панель приборов водителя. Поле аэропортника - место повышенной опасности.

Задок автобуса почти сферической формы, это позволяет сделать задние двери сдвижными. На дверях нанесены светящиеся маркеры, они несут на себе сигнальную информацию об открывании дверей и одновременно являются габаритными огнями.

Автобус для аэропорта.
Автор — Павел Палакин.
Руководитель — Александр Длотовский.

Валерий Байнев

профессор кафедры менеджмента Белорусского государственного университета,
доктор экономических наук

Ольга Седлухо

аспирант кафедры менеджмента
Белорусского государственного университета

Инновационно-промышленная политика и базовые условия ее эффективности

При переходе к постиндустриальной, основанной на интеллекте и знаниях, инновационной по своей сути экономике роль промышленной политики возрастает многократно. И действительно, в условиях обострения межгосударственной, вышедшей на глобальный уровень конкуренции, нередко перерастающей в вооруженное, а значит, технико-технологическое противостояние, выжить и устойчиво прогрессировать смогут только те страны, которые ускоренными темпами накапливают и используют передовой, основанный на достижениях научно-технического прогресса (НТП) и их масштабном внедрении промышленный капитал. Таким образом, сегодня в индустриально развитых государствах, к числу которых, несомненно, принадлежит и Республика Беларусь, имеет смысл говорить об актуальности и приоритетности формирования и реализации не просто инновационной, а именно эффективной инновационно-промышленной политики. Данный вывод следует из того, что она призвана обеспечивать благоприятные условия для инновационного процесса в той отрасли народного хозяйства, которая является производителем и источником прогрессивных средств труда для всех прочих сфер деятельности и благодаря этому становится «катализатором» научно-инновационной активности национальной экономики в целом, в том числе и промышленности.

Следует отметить, что, несмотря на показное декларирование рыночного статуса, подразумевающего, как известно, стихийное саморегулирование и принцип невмешательства государства в экономику, все без исключения державы мировой элиты прибегают к активным мерам в рамках инновационно-промышленной политики. В этом плане весьма показателен опыт Великобритании, где государственному планированию развития производительных сил на современной научно-технической основе отводится исключительно важная роль. Именно в этой стране, которая традиционно считается одним из наиболее надежных оплотов рыночного либерализма в его противостоянии госрегулированию, с 2003 г. введена в действие и активно реализуется «Правительственная промышленная стратегия Соединенного Королевства» [2]. Этот документ, по сути являющийся 10-летним планом инновационного становления английской промышленности, предусматривает, что правительство ответственно не только за обеспечение соответствующих «правил игры» и стабильной макроэкономической системы, но и призвано осуществлять массированные инвестиции в капитальное оборудование, передовые технологии, инфраструктуру, научно-исследовательскую базу. В частности, согласно названной стратегии оно реализует план модернизации на современной техноло-

гической основе британской транспортной системы, причем из общего объема государственно-корпоративных затрат в 181 млрд фунтов стерлингов (ф. ст.) на одну только эту цель на долю государства приходится 68,5%. Последнее значение в абсолютном исчислении соответствует астрономической сумме в 124 млрд ф. ст., или более 10 млрд в расчете на каждый год, что вполне сопоставимо, к примеру, с ВВП Беларуси. Кроме того, правительство страны вопреки декларируемым принципам рыночного саморегулирования систематически прибегает к прямому долевному (на паритетных началах, а значит, многомиллиардному) инвестированию в инновационные проекты крупных частных компаний (например, Airbus UK и др.). Благодаря указанным обстоятельствам сегодня экономика Великобритании — одна из наиболее эффективно регулируемых в ОЭСР, где государство активно выступает и как основной управляющий ею институт, и как глобальный предприниматель.

Однако, по мнению ряда российских ученых, в наибольшей степени директивное целевое программирование промышленного производства на современной технико-технологической основе развито в США, которые в свое время уверенно опередили СССР и по масштабам, и по качеству централизованного планирования,

что и обеспечило им победу в глобальном экономическом состязании. Как известно, основными плано-программными документами на федеральном уровне Соединенных Штатов стали государственные межотраслевые целевые программы, среди которых наиболее крупными, связанными с многомиллиардным бюджетным финансированием, были авиационная, космическая, металлургическая, энергетическая, продовольственная. В настоящее время в рамках инновационно-промышленной политики правительства планируются макротехнологии, объединяющие сотни новейших способов выпуска наукоемкой и высокотехнологичной продукции. Наряду с британской и американской существуют и другие модели планирования и программирования инновационного развития промышленности — французская, японская, южнокорейская, согласно которым специальные плановые органы разрабатывают единые 5—7-летние народнохозяйственные программы, в том числе предписывающие развитие научно-инновационного и индустриального потенциалов обозначенных стран.

И наконец, завершая рассмотрение эволюции промышленной политики, следует отметить, что в современных условиях, когда основу глобальной конкурентоспособности составляет отнюдь не конкуренция как экономическое состязание обособленных хозяйствующих субъектов, а наоборот, реализация мощного кооперационно-интеграционного (синергетического, командного, системного) эффекта. Например, в Европейском Союзе инновационно-промышленная политика уверенно выходит на международный уровень. Последнее выражается в объективном нарастании интеграционных процессов во всех сферах социально-экономической практики, включая научно-инновационную и промышленную политику, что подразумевает осуществление целенаправленной последовательности хорошо продуманных шагов по обеспечению и повышению коллективной конкурентоспособности стран ЕС на мировом рынке. Так, в 2000 г. Евросоюз в Лиссабоне принял общую стратегию развития, ориентированную на

создание к 2010 г. наиболее конкурентоспособной и динамичной экономики региона. В дополнение к ней на Барселонском саммите ЕС 2002 г. предусмотрены кардинальные меры по укреплению научно-технического потенциала, включая увеличение расходов на НИОКР с текущих 1,9 до 3% ВВП, причем этот рост на 2/3 должен обеспечиваться за счет инвестиций частной промышленности и на 1/3 — из государственного бюджета. Сегодня инновационно-промышленная политика в Евросоюзе реализуется на основе специальных плановых документов, так называемых рамочных программ ЕС (НИОКР, по конкурентоспособности и инновациям и др.), причем объем финансирования нынешней 7-й программы научных исследований (2007—2013 гг.) составляет 73,27 млрд евро, что в 4 раза больше бюджета предыдущей 6-й [3].

В процессе выполнения НИР «Теоретико-методологические основы межгосударственной инновационно-промышленной политики стран ЕвразЭС как фактор их устойчивого развития» (Государственная комплексная программа научных исследований «Экономика и общество», 2006—2010 гг.) было выявлено, что указанная политика сопряжена с влиянием целого комплекса факторов, непосредственно связанных с соответствующими структурными сдвигами в экономике, НТП, инвестициями, бюджетным процессом (рис. 1). Кроме того, возможность ее реализации во многом зависит от макроэкономической среды, а значит, предопределяется характером монетарной, кредитно-денежной, фискальной политики государства. Исходя из этих условий инновационно-промышленная политика может быть определена как комплекс направлений работы последнего в рамках его социально-экономической политики по стимулированию инновационного процесса в промышленности, включающий в себя соответствующие меры структурной, научно-технической, инновационной, инвестиционной деятельности и обеспечивающий создание благоприятной экономической среды для бюджетной, монетарной, кредитно-денежной, налоговой, внешнеэкономической сфер. Главная

цель инновационно-промышленной политики — реализация последовательного приращения выпуска наукоемкой и высокотехнологичной продукции с высокой долей добавленной стоимости на основе программно-целевого (планового) регулирования организационной, структурной и технологической модернизации индустриального воспроизводства [4].

Кроме того, в рамках названной НИР с учетом как позитивного, так и негативного мирового опыта нами определены некоторые базовые условия эффективности и самой возможности осуществления инновационно-промышленной политики.

Прежде всего следует отметить, что практически на всем постсоветском пространстве ныне возобладала рыночно-капиталистическая (неоклассическая) научно-образовательная экономическая парадигма, которая, по большому счету, уповает на всеислие рыночного саморегулирования, обожевляет чудодейственную силу рынка, теоретически обосновывает пагубность любого вмешательства в свободу данного механизма.

Однако для любого здравомыслящего специалиста очевидно, что «изготовленная» в США на экспорт и ныне безраздельно господствующая в странах бывшего СССР научно-образовательная экономическая парадигма (экономикс) способствует рыночно-капиталистической дезинтеграции (атомизации) национальной экономики, отводит государству роль «ночного сторожа с монетаристской колотушкой» и тем самым принципиально отрицает возможность и целесообразность любого, включая инновационно-промышленную политику, государственного регулирования экономических процессов. Последовательная реализация указанной парадигмы в рамках соответствующих ей рыночно-капиталистической доктрины развития и социально-экономической политики уже обеспечила в некоторых странах ЕвразЭС беспрецедентную деиндустриализацию и настоящий разгром научно-инновационной сферы [5, 6]. В Беларуси же, где действию «невидимой руки» рынка, к счастью, жестко противопоставлен системный (интеграционный,

синергетический) эффект «зримой руки» государства, господствующая рыночно-капиталистическая экономическая парадигма вступила в острое противоречие с практикой экономических реформ. На самом деле очевидные успехи последних всецело основаны отнюдь не на рыночном саморегулировании, а на реализации эффекта от планомерного управления национальной экономикой. Это означает, что сегодня в Союзном государстве, ЕврАзЭС и СНГ назрела проблема смены научно-образовательной экономической парадигмы и ее приведения в соответствие с требованиями времени, которые настойчиво диктуют необходимость реализации кооперационно-интеграционного эффекта в рамках государственного управления экономикой и планирования ее развития [7].

Активно противодействуют осуществлению эффективной инновационно-промышленной политики и вопиющие,кратно отличающиеся от соответствующих оптимальных характеристик стран, демонстрирующие устойчивое инновационное развитие, отклонения в самых главных для современной системы хозяйствования сферах — монетарной и кредитно-денежной [8]. Под благовидным предлогом борьбы с инфляцией искусственно заниженный в разы коэффициент монетиза-

ции экономики (доля денежной массы в ВВП) обеспечивает масштабный перелив финансовых средств в спекулятивно-посредническую сферу и тем самым обескровливает промышленно-производственный и инновационный секторы всех без исключения стран бывшего СССР [6]. Официальное объяснение таких действий, включающих тотальную экономию денежных средств даже на развитие науки и стимулирование промышленности в рамках бюджетной (в России, например, аномально профицитной) политики и последующую «стерилизацию» сэкономленных таким образом средств путем их инвестирования в экономику технологически развитых стран, необходимостью подавления инфляции не выдерживает никакой критики. Известно, что основной источник инфляции — это тотальное обесценивание доллара, и потому описанные антиинфляционные меры представляют собой нашу щедрую «братскую помощь» экономике США в виде передаваемого им инфляционного налога — сеньоража. Только избранным переходным странам (Чехии, Венгрии, Польше и др.), которые планируется включить в «будущую империю», дано «высочайшее дозволение» поднять коэффициент монетизации экономики сверх его кризисного уровня в 30% и приблизиться к оптимальному значению в 60%. Кстати говоря, быстрый рост этого

показателя в Украине в последние годы до уровня 50% к 2007 г. косвенно свидетельствует о том, что в «вашингтонском обкоме» уже принято решение о выделении этой республике места среди вассалов глобальной метрополии. А вот в Беларуси данный критически важный показатель по-прежнему более чем в 2 раза ниже кризисного значения и в 4 раза меньше оптимального (менее 15% в 2007 г.), что существенно сдерживает ее экономическое развитие, ибо «деньги — это кровь экономики», а малокровие, как известно, серьезная, отнюдь не способствующая спортивным рекордам болезнь.

Крайне негативное воздействие на условия реализации инновационно-промышленной политики оказывает и искусственно заниженный в 2—4 раза обменный курс национальной валюты во всех государствах бывшего СССР. Принято считать, что слабые гривна, рубль, тенге и т.д. стимулируют экспортоориентированные отрасли, однако последние в переходных странах, к сожалению, представлены в основном сырьевыми предприятиями. В то же время слабая национальная валюта угнетает промышленный перерабатывающий сектор, поскольку в условиях открытости экономики, а значит, мировых (высоких) цен на сырье стоимость последнего в конечной продукции предприятий нередко превышает ту цену, по которой может купить этот товар отечественный потребитель с его внутренней (неввысокой) заработной платой. По нашим расчетам, один только умышленно заниженный в 2—3 раза курс национальной денежной единицы (Беларусь и здесь не является исключением) уменьшает в 5—10 раз или вообще низводит до отрицательных значений рентабельность перерабатывающих предприятий.

Опыт стран, совершивших или реализующих научно-инновационный прорыв (Германии, Японии, Южной Кореи, Китая), свидетельствует о необходимости установления долговременного жесткого контроля за целевым использованием иностранной валюты преимущественно на нужды технико-технологической модернизации производства. Однако в СНГ

Рис. 1. Факторы эффективности инновационно-промышленной политики

столь необходимая для осуществления эффективной инновационно-промышленной политики валюта бездарно расходуется по обменным пунктам, после чего вывозится населением за границу, где инвестируется в развитие зарубежных курортов или фирм, производящих ширпотреб, массированный ввоз которого опять-таки губит нашу промышленность. По оценкам профессора Сергея Пелиха, валютные операции данного вида наносят прямой ущерб экономике Беларуси в размере до 5 млрд долл. в год (в Украине это значение еще больше — 30 млрд долл., в России — 300 млрд долл.), не считая упущенной выгоды от возможного инвестирования этих средств в инновационно-промышленную сферу [8].

Серьезный потенциал инновационного роста промышленности содержит кредитно-денежная политика, которая призвана обеспечивать данный сектор экономики доступными кредитными ресурсами для нужд его технико-технологической модернизации. Выполнение последнего условия возможно в том случае, если:

- мощность (пассивы) банковской системы страны не меньше ее ВВП;
- доля долгосрочных кредитов, предоставляемых под финансирование инновационных проектов, превышает половину всего объема выдаваемых кредитных ресурсов;
- стоимость «длинных» кредитных денег, предоставляемых субъектам инновационной деятельности, официально признанным таковыми, не превышает 1—4% годовых.

Например, Китай, несмотря на рыночный миф о монетарном происхождении современной инфляции, быстро довел коэффициент монетизации своей экономики до 180% и более, пассивы банковской системы — до уровня 140% ВВП, что дало ему возможность до 80% всех привлеченных ресурсов выдавать в виде долгосрочных кредитов для технико-технологической модернизации промышленности под 2% годовых [8]. В Японии и Германии такой прорыв также совершен во многом благодаря символической (иногда нулевой) стоимости кредитных ресурсов, доступных субъектам инновационной деятель-

ности на срок от 3 до 25 лет. В странах же бывшего СССР сложилась ситуация с точностью до наоборот, поскольку доля долгосрочных кредитных ресурсов в несколько раз ниже оптимального значения, а процентные ставки по ним, как правило, выше уровня рентабельности отечественных промышленных предприятий. В итоге на всем постсоветском пространстве и, что особенно опасно, при активном участии иностранного капитала формируется паразитарная банковская система, в результате чего, по мнению главного редактора журнала «Экономист» профессора Павла Игнатовского, из инструмента стимулирования экономического развития «банковский кредит превращается в канал выкачки средств из производства и их вывоза в зарубежные страны» [9].

Наряду с льготными кредитами субъекты инновационной деятельности в развитых странах пользуются существенными налоговыми преференциями, общий объем которых достигает 1—1,5% ВВП, однако в Беларуси и России его значение опять-таки в 3—4 раза ниже оптимального уровня. В ФРГ, например, система налоговых льгот, образно именуемая «кнутот для промышленности», позволяет выводить из-под налогообложения до 200% инвестиций в исследования и разработки. Аналогичные меры стимулирования инновационной деятельности промышленных предприятий активно применяются в Австралии, Японии, Сингапуре и других «азиатских тиграх» [3]. Огромную роль в обновлении основного капитала западных предприятий играет соответствующая амортизационная политика, допускающая ускоренную и сверхускоренную (за 1—5 лет) амортизацию технологического оборудования, что, с одной стороны, содержит в себе элемент льготного налогообложения, а с другой — способствует более интенсивному обновлению основного капитала на базе последних достижений НТП. Кстати говоря, в рамках выполнения вышеуказанной НИР нами разработан механизм ускоренной амортизации рабочих машин и оборудования, использование которого, на наш взгляд, станет существенным стимулом для технико-технологической модернизации промышленности [10].

Очевидно, что инновационно-промышленная политика вполне может быть рассмотрена в качестве элемента структурной политики государства, под которой понимается целенаправленная деятельность последнего по изменению вклада (доли) конкретных сфер и отраслей в ВВП страны [11]. Ее общей целью является обеспечение скоординированного экономического роста и технического оснащения промышленности и сельского хозяйства, а также нематериального производства. Она реализуется через создание и расширение деятельности промышленных предприятий и производств, относящихся к V и VI технологическим укладам и обеспечивающих выпуск продукции с наибольшей добавленной стоимостью, в том числе путем прямого государственного инвестирования, а также всемерное стимулирование и поддержку государством функционирования таких объектов мерами кредитно-денежной, бюджетной, налоговой, инвестиционной политики.

Следует отметить, что страны бывшего СССР допускают « типовые » грубые ошибки в процессе формирования и реализации структурной политики. Во-первых, принято считать, что именно средние и малые предприятия являются « локомотивами инноваций », и потому переход к инновационной экономике обычно связывают со структурными изменениями в их пользу. Однако пока мы наивно уповаем на преимущества конкуренции и достоинства рыночной среды в составе среднего, малого, милли- и микробизнеса, в первой сотне самых больших и конкурентоспособных хозяйствующих субъектов разного вида — стран и компаний — уверенно обосновались 29 сверхкрупных ТНК ведущих государств Запады наряду с мощными экономическими системами, представленными такими суверенными державами, как США, Япония, Германия, Великобритания и т.п. Колоссальные размеры и масштабы деятельности мегакорпораций сегодня поражают любое, даже самое буйное, воображение, ибо, например, каждая из 200 крупнейших американских компаний имеет в своем составе предприятия не менее 20 отраслей, причем 39 ТНК действуют в 30, а 9 — в 50 отраслях

производства. Например, объем продаж американской General Motors превышает суммарный ВВП таких стран, как Швейцария, Австрия и Швеция, а компания Exxon Mobil в 2005 г. продала продукции на 347 млрд долл., что более чем в 12 раз выше ВВП Беларуси. Известно, что 100 корпораций США производят 60% ВВП (более 6 трлн долл.), осуществляют 60% всех инвестиций, реализуют около половины экспортно-импортных операций. В целом же западные ТНК контролируют до 1/2 мирового промышленного производства, 2/3 международной торговли, около 4/5 мирового банка открытий, патентов, лицензий и технологий. По некоторым оценкам, на их долю приходится примерно половина общих затрат и более 2/3 коммерческих расходов на исследования и разработки, причем в некоторых крупных ТНК они существенно превышают соответствующие затраты многих стран. В частности, такие фирмы, как Ford Motor, Pfizer, Daimler Chrysler, Siemens, General Motors и Toyota Motor, в 2003 г. израсходовали на эти цели более 5 млрд долл. каждая, что оказалось существенно больше аналогичных затрат самой мощной державы ЕвразЭС — России (4,3 млрд долл.).

Сказанное означает, что сегодня «локомотивом инноваций», а значит, главным фактором глобальной конкурентоспособности является отнюдь не малый и средний бизнес, а крупные и сверхкрупные вертикально-интегрированные бизнес-системы, объединяющие под своим контролем весь производственный цикл, начиная с осуществления НИОКР, добычи сырья и завершая организованным сбытом продукции. Поэтому главной целью структурной, а значит, инновационно-промышленной политики на современном этапе должны быть создание, стимулирование всеми вышеперечисленными мерами и всесторонний правительственный патронаж (особенно на зарубежных рынках) именно супермощных вертикально интегрированных государственных и государственно-корпоративных структур. А вот роль «невероятно инновационного» малого бизнеса достаточно скромна и, по большому счету, сводится к следующим функциям:

- обеспечению занятости вытесненного из созидательной экономики населения;
- распространению на территории страны инновационной продукции отечественных, а если таковые неразвиты или сознательно уничтожены в рыночно-перестроенном запале, то западных мегакомпаний;
- осуществлению по заказам крупных корпораций отдельных стадий инновационного процесса.

Таким образом, известных неутомимых борцов за исключительные льготы малому и среднему предпринимательству при подчеркнутом игнорировании интересов крупных отечественных компаний можно смело считать выразителями (скорее всего небескорыстными) стратегии западных ТНК на территории стран бывшего СССР.

Кроме того, весьма негативное воздействие на реальный сектор экономики государств СНГ, включая промышленность, оказывает пресловутая концепция «экономики услуг», навязываемая извне и активно пропагандируемая нашими внутренними сторонниками глобализма (американизма). Дело в том, что господствующая рыночно-капиталистическая научно-образовательная парадигма лукаво нацеливает переходные страны на опережающее развитие именно сектора услуг и сферы обмена. Поскольку с точки зрения рынка результат работы промышленного предприятия — рыночная прибыль — возникает вне его пределов (за воротами), деятельность такого хозяйственного субъекта связана с одними лишь производственными, снижающими доходы издержками, то в этом смысле оно не просто «бесполезно», но и «антиполезно». А вот «чудотворный» рынок, волшебным образом порождающий эту самую прибыль, возводится капиталистической идеологией в ранг божества.

К сожалению, рыночная концепция «экономики услуг» такова, что банальная спекуляция, рантье́рская игра на бирже, порноиндустрия, сутенерство, торговля наркотиками, игорный бизнес, паразитарное банковское ростовщичество и прочие аналогичные занятия в отличие от «бесполезного» производства вполне надежно попадают в разряд приносящих большую

прибыль. Такого рода услуги вполне могут способствовать быстрому удвоению, утроению или даже удесятерению ВВП. При этом необходимо помнить, что сектор услуг в 60—70% ВВП при величине последнего, например, в США более 13 трлн долл. соответствует астрономической сумме в 3—4 трлн долл., выпадающей на долю материального производства. Это обстоятельство, а также систематическое изъятие материальных ресурсов из других стран посредством оказания им разнообразных услуг (например, печатанием для всего мира денег и снабжением его прочими «ценными бумагами», что нам, конечно, не будет позволено) собственно и дает возможность Соединенным Штатам, другим развитым государствам иметь столь искаженную структуру анализируемого макроэкономического показателя. Если же развивающиеся и переходные страны при их более чем скромном валовом продукте, равняясь на грандов мировой экономики, захотят деформировать структуру своих ВВП аналогичным образом, то это проще всего сделать путем свертывания производства материальных благ, которые потом, однако, придется выменивать у передовых за сырье и энергию, что вполне соответствует стратегическим планам Запада. Тем самым возобладавшая в наших умах рыночно-капиталистическая концепция «экономики услуг» методологически программирует республики бывшего СССР на стагнацию «бесполезного» производства, а значит, целенаправленно способствует деиндустриализации и примитивизации их национальных экономик, то есть превращению в сырьевую провинцию «просвещенного» Запада в полном соответствии с его амбициозными планами. Иными словами, данная концепция теоретически обосновывает и легитимизирует наблюдаемое на всем постсоветском пространстве угрожающее сокращение промышленного производства, что ставит Россию, Казахстан и в меньшей мере Беларусь в зависимость от импорта материальных благ и окончательно подрывает экономическую безопасность Союзного государства, ЕвразЭС и СНГ.

В связи с этим очень много нареканий в последнее время вызывает и сам показа-

Таблица 1. Сценарии развития инновационно-промышленной политики стран ЕвразЭС в среднесрочном периоде*

Показатель	Инерционный сценарий	Инновационный сценарий
Базовая доктрина развития	Переход к рыночно-конкурентной экономике, связанный с децентрализацией управления и дезинтеграцией национальной экономики через разгосударствление и приватизацию, ведущий к потере интеграционного (системного, синергетического) эффекта	Переход к инновационной экономике, связанный с реализацией интеграционного (системного, синергетического) эффекта путем повышения эффективности государственного управления и планирования развития национальной экономики на всех ее уровнях
Коэффициент монетизации национальной экономики, % к ВВП	10—30	более 60
Соотношение «Валютный курс по данным Национального (центрального) банка» / «Валютный курс по ППС», разы	3—4	1
Норма накопления (доля инвестиций в основной капитал в ВВП страны), %	10—25	более 30
Пассивы банковской системы, % к ВВП	35—40	100—150
Доля долгосрочных кредитных вложений банковской системы, % от общей суммы кредитных вложений, в том числе:	30—45	60—75
в промышленность, % от общей суммы кредитных вложений	12—25	не менее 50
на технико-технологическую модернизацию производства, % от общей суммы кредитных вложений	0,5—2	20—25
Ограничения по внутренней конвертируемости национальной валюты	Мягкие, дающие возможность населению и фирмам использовать валюту для покупки товаров и услуг за рубежом	Жесткие, обеспечивающие приоритет использования валюты на нужды технической модернизации производства
Соотношение средних заработных плат работников сферы материального производства в постиндустриальной и догоняющей экономике	4—10	не более 1—1,5
Доля расходов на исследования и разработки в ВВП, %	0,5—1,5	не менее 3
Доля расходов на науку в ВВП, %	около 1	3—4
Сумма налоговых льгот участникам инновационного процесса (с учетом ускоренной амортизации), % к ВВП	менее 0,5	1—1,5
Доля инновационно активных предприятий в промышленности, % к их общему числу	10—15	40—50
Коэффициент обновления основных производственных фондов, %	2—5	не менее 8
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции, %	8—10	25—50
Доля передовых производственных технологий, использовавшихся менее трех лет, % в общем их числе	20—30	не менее 50
Удельный вес затрат на инновации в общем объеме промышленной продукции, %	менее 1	2—5

*Развернутое обоснование сценариев представлено в монографиях [14, 15].

тель ВВП. По мнению некоторых авторитетных специалистов, этот базовый целевой критерий экономического развития практически ничего не отражает, поскольку в результате «полезной» деятельности бесчисленных посредников, банкиров-ростовщиков, спекулянтов и прочих представителей сферы услуг «ВВП накручивается подобно снежному кому» [12], а по-

тому все расчеты на его основе подобны измерению длины «резиновым метром». Сегодня в качестве целевого критерия НТП и развития экономических систем всех уровней необходим принципиально иной индикатор, учитывающий не сумму накопленных стоимостей (пресловутый «вал»), а, например, совокупность произведенных потребительных стоимостей [1].

Не случайно академик Петр Никитенко авторитетно считает, что «социально ориентированную экономику может определять только процесс производства потребительных стоимостей» [13].

Важным элементом структурной, а значит, инновационно-промышленной политики выступает инвестиционная деятельность государства, которая в большинстве стран,

имеющих общее «происхождение от плана», во многом недостаточно эффективна [11]. Известно, что именно «переливы» инвестиционных ресурсов из одной отрасли или сферы в другую способны обеспечить требуемые структурные сдвиги в системе хозяйствования. Преимущественное развитие современных наукоемких производств требует колоссальных инвестиций, поскольку именно они определяют рост экономики и изменение ее структуры в пользу высокотехнологичного и наукоемкого секторов промышленности. При этом важной макроэкономической пропорцией выступает норма накопления, которая показывает, какая часть ВВП страны инвестируется в основной капитал в целях обеспечения расширенного воспроизводства и требуемого изменения его структуры. На практике данная норма варьируется в достаточно широких пределах — от 10 до 40% ВВП в зависимости от проводимой государством инвестиционной политики. При этом закономерностью инновационного процесса в технологически развитых и демонстрирующих догоняющее развитие державах является поддержание на высоком уровне (30% и более) этого индикатора — доли в ВВП инвестиций в основной, прежде всего промышленный капитал.

Сегодня среднемировые показатели нормы накопления составляют 24—25%, а в государствах, которые показывают высокие темпы роста, — до 28—30%. В Китае — признанном чемпионе развития за последние два десятилетия — они составляют 38% ВВП, что почти вдвое больше, чем в России (менее 20%), и в полтора раза выше, чем в Беларуси (не более 25%). Таким образом, в странах ЕвразЭС (разумеется, в том случае, если они не просто желают не отстать от лидеров мирового НТП, а хотят наверстать упущенное) налицо острая необходимость в 1,5—2-кратном повышении нормы накопления до 30—35% ВВП. Кроме того, наряду с абсолютным наращиванием объема инвестиций очень важно, чтобы они вкладывались преимущественно в создание промышленно-производственных активов на основе передовых достижений НТП, а не шли на массовое возведение, например, офисных зданий для нужд росто-

виков, посредников и прочих рыночных спекулянтов. Хотя последние, конечно, и способны «накрутить» большой ВВП, однако их деятельность принципиально бесполезна в организации столь нужного нам технико-технологического прорыва. В итоге, по мнению члена-корреспондента РАН Сергея Глазьева, «за последние 15 лет в России не построено ни одного крупного завода. Страна примитивно живет на проедании недр и расходовании потенциала, созданного в застойные времена, в то время как износ основного капитала в промышленности достиг критических 70—80%». Аналогичный критерий должен применяться и при оценке целесообразности привлечения иностранных инвестиций, особенно сегодня, когда по миру в буквальном смысле рыщут огромные массы не просто портфельных и спекулятивных, но и вообще фиктивных «инвестиций» — бестоварных, не обеспеченных реальными активами, готовых материализоваться во что угодно, представляющих собой всего лишь результат работы печатного станка дензнаков и прочих «ценных бумаг» [11]. В этих условиях под зарубежными вложениями капитала следует подразумевать исключительно процессы трансфера из-за границы передовых технологий и создания на их основе промышленно-производственных активов — все остальные «инвестиции» не просто бесполезны, но и вредны.

Исходя из изложенного, нами разработаны инерционный и инновационный сценарии формирования инновационной экономики в исследуемом регионе на среднесрочную (до 2015—2020 гг.) перспективу (табл. 1). К сожалению, приходится признать, что развитие стран бывшего СССР, включая Республику Беларусь, происходит по первому варианту, поскольку во втором столбце данной таблицы представлены реальные параметры функционирования их национальных экономик. При этом инновационный сценарий, по нашему мнению, может быть рассмотрен в качестве своеобразной программы мер по преодолению выявленных проблем в рамках скоординированной, межгосударственной, эффективной инновационно-промышленной политики.

Литература

1. Байнев В.Ф., Дадеркина Е.А. Научно-технический прогресс и устойчивое развитие: теория и практика полезности (потребительно-стоимостной) оценки эффективности новой техники; под общ. ред. В.Ф. Байнева. — Мн., 2008. С. 164.
2. Великобритания: правительственная промышленная стратегия // Экономист. — 2004, №10. С. 17—34.
3. Власкин Г.А., Ленчук Е.Б. Промышленная политика в условиях перехода к инновационной экономике. — М., 2006. С. 35—36.
4. Губанов С. Промышленная политика и государство // Экономист. 2004, №7. С. 3—14.
5. Байнев В.Ф. Научно-технологический прорыв как условие цивилизованного существования постсоветских стран в XXI веке // Наука и инновации. 2006, №7. С. 43—48.
6. Байнев В.Ф. Рынок или инновации? // Наука и инновации. 2007, №4. С. 51—56.
7. Байнев В.Ф., Дадеркина Е.А. Испытание экономической модели // Белорусская думка. 2008, №1. С. 40—45.
8. Пелих С.А. Проблемы денежно-кредитных отношений: сб. науч. тр. — Мн., 2007. С. 115.
9. Слав теории и практики // Экономист. 2004, №3. С. 8, 118.
10. Седлухо О.В. Ускоренная амортизация как инструмент инновационно-промышленной политики // Новая экономика. 2007, №№5—6. С. 16—28.
11. Государственное регулирование переходной экономики / С.А. Пелих, В.Ф. Байнев, В.П. Орешин [и др.]; под общ. ред. проф. С.А. Пелиха. — Мн., 2008. С. 426—433.
12. Валовой В.Д. «Вал», развал и удвоение ВВП // Труд и социальные отношения. 2004, №2. С. 40.
13. Никитенко П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития. — Мн., 2006. С. 61.
14. Байнев В.Ф., Саевич В.В. Переход к инновационной экономике в условиях межгосударственной интеграции: тенденции, проблемы, белорусский опыт; под общ. ред. проф. В.Ф. Байнева. — Мн.,
15. Ленчук Е.Б., Байнев В.Ф., Власкин Г.А., Богдан Н.И., Волошин П.С. Россия — Беларусь: инновационная политика и интеграционное взаимодействие / Монография. — М., 2006.